Воспоминания Григория Александровича Попова — Палина, мужа Елены Вишневской.

Я помню себя очень рано. Во Владикавказе мне не могло быть больше года — полутора. Однако, я помню: идем мы по дороге рядом с Тереком. Я бросаю в Терек игрушки.. Бабушка сердится. Брат — Гена следует моему примеру.
Село Лысково. Туда отец был назначен сразу же после получения диплома, году в 1900 — м. А в 1903 г. он уже был переведен в Н. Новгород. Значит мне было не более 3 — х лет. А как хорошо я поню Лысково. Разлившуюся реку - Сундовик, затопивший наш двор, превративший его и наш сад в озеро. Мы катаемся по двору в деревянном корыте. Я слышу запах влажного воздуха и начинающейся весны. Я вижу, как солнце и белые барашки облаков играют в воде. Я чувствую, как пригревает солнце.
Нянька — Василиса. Она, видимо, нас с братом водила куда — то к своим родственникам, где нас поили чаем с медом.
Мне кажется, что нигде до этого я не ел меда.
Отец устраивает электрический звонок в квартире. Квартира наша в одноэтажном доме с холодным коридором, с террaской в сад. Зимой, прямо с горы на салазках можно подъезжать к самому дому. Соседи — мальчишки. Один из них часто обращается ко мне, тянет: «Гри-и-ша, дай книжечку».
Яркое впечатление от вечеров — чтение с «волшебным фонарем». Это устраивали мои родители. Читали сказки. Помню Пушкина «Сказку о царе Салтане». К ней был набор диафильмов. Где — то на вечере пели «Ах, вы сени мои сени».
Помню, как с прабабушкой посещали мы Макарьевский монастырь. Монахини на меня произвели плохое впечатление — я ревел белугой от страха и ни за что по — видимому, очень ласково обращались ко мне. Смутно, но помню торжественно — холодную обстановку монастыря.

Отец часто уезжал в разъезды по Макарьевскому уезду. Он был агроном Макарьевского уездного земства. Ветлужские леса еще по рассказам томили мое воображение.
Меня не брал отец с собой. Как я ревел, стоя на окне, видя, как за стеклом трогает кибитка зимнего возка! Уезжает отец и старший брат — Гена. Привозят какие — то куклы из моха, дедов морозов разных. Рассказывают, что нашли их в Ветлужских лесах, стоящими, как грибы под деревьями. Рвалось сердце в эти леса. Но я был еще слишком мал для такого путешествия.
Н.Новгород совершенно не помню, знаю только, что отца перевели пом. Губ. Агронома Нижегородского земства с совмещением заведывания Естеств.Историч. Музеем.
Это было великолепно. Мы часто бываем в музее, знакомимся со всем животным миром, населяющим нашу губернию.
Живем в холодном переулке, вблизи главной улицы Б.Покровки. Квартира очень привлекательная для нас. Квартира - «пароход» в наших фантазиях.
Она в три этажа. Внизу кухня, выше столовая и папин кабинет, вверху комната матери и наша комната, а на площадке — няни.
Из столовой можно разговаривать с кухней по слуховой трубе, как на пароходе. Можно было и ложки спускать из столовой в кухню по этой же трубе, что мы и делали.
Дружили, как и всюду, с дворовыми детьми, катались на трехколесном велосипеде по тротуару до Б.Покровки и обратно.
В этой квартире мы жили во время войны Русско — Японской (1904 г.)
В кухне, однажды, разместились солдаты. Не знаю, долго — ли они у нас жили, но я впервые познакомился с оружием, и наибольшее впечатление произвели на меня трехгранные штыки их винтовок.
Мне казалось, что строптивый старший брат мой, однажды рассердившись на что — то, нарочно заболел скарлатиной. Во всяком случае он как — то в сердцах выбежал в холодные сени и долго стоял

там, приговаривая какие — то угрозы, что вот заболеет, умрет и всем будет плохо! И действительно — вскоре он заболел. Меня отправили к какой — то учительнице - знакомой матери моей. Там я и жил, пока брат мой валялся дома в скарлатине. Вероятно, у учительницы в комнате было душно. Я подолгу не мог там заснуть. Поэтому мне запомнилось томительное бессонное состояние. Сперва очень долго глохла лампа керосиновая. Ее фитиль закручивали и она долго , долго вспыхивала все тише и медленнее, и как бы произносила шепотом свое «пе -пе -пе», а мне становилось грустно от ее умирания, я надолго расстраивался и не мог заснуть.

Однажды, из Москвы мама приехала с девочкой — Надей — моей сестрой. Она была в пеленках. Я ее почти никогда не видел.

Познакомился я с ней значительно позднее уже на другой квартире в Коротком переулке, куда мы переехали. Это было ближе к музею. Квартира была вся в одном этаже деревянного двухэтажного дома с подвалом, где жил полотер. Не знаю, кто жил вверху, но стекла мы там били и нам попадало от какой — то дамы. Небольшой двор, маленький садик, высокое дерево, где мы ставили клетки — западни («ладейки») для птиц. Делал нам их сын полотера — мальчик лет 10 — ти .

В доме всегда у нас жили птицы в большом количестве. Им отведено было окно под сеткой. Свободно жила только сова. Жил то кролик, то зайченок, то еж.

Приезжал туда дядя Коля, дядя Витя. Больше всего нам нравился дядя Коля. Он по словам папы, был кутила. Мы ездили с ним в затопленное канавино (весной). Там на лодке подъезжали к какому — то трактиру. Пили вкусные лимонады, ели что — то вкусное. Дома он постоянно тоже чем — то необычным угощал - черной икрой ит.д. Научил нас играть в шахматы. Он когда — то дружил с Чегориным и много о нем рассказывал. Нам делал киндер — маты, устраивал всякие ловушки, на которые мы охотно шли. Приезды дяди Вити были по — другому, но тоже весьма интересны. Он был офицером, служил в Риге. Сначала приезжал в чине капитана. Немедленно из раздевалки с вешалки исчезала его шашка или сабля с портупеей и оказывалась на ком — нибудь из нас. Все обмундирование было было очень привлекательно и возбуждало желание служить в будущем в армии Ноэ это не надолго сохранялось. Уезжал дядя и новые интересы захватывали нас в свои руки, и главным образом рисование. Рисовали мы в больших тетрадях («общих»), где можно было ехать со страницы на страницу по тянущимся дорогам с деревнями, реками, лесами, полями.

Можно было приехать в усадьбу, где мы жили в наших фантазиях и снова дорога вела дальше в города и веси. Эта игра долго сопутствовала нам с братом.

Не помню, как вовлекалась сестра, она была еще мала.

Отец хотел воспитывать в нас любовь к физическому труду. Купил верстак, за которым мы ходили куда — то вниз города за Балчуг. Привезли, поставили его в проходной светлой комнате, которая была несколько в стороне, по соседству с нашей спальней!

Строгали мы, и научились. Делали, в основном, клетки для птиц и пароходы. Помогали нам и обучали владеть инструментами сыновья полотера, что жид внизу в подвале. Они были старше нас и мастерства их мы, конечно, не могли достигнуть. Кто — то из них делал замечательные модели волжских пароходв о-ва «самолет» и «Кавказ» и «Меркурий». Мы уже знали много из них. О-ва Бр.Каменских: «Надежда», «Россия», «Кашина» и др. Часто спускались вниз к Волге. Учились разбирать пароходства, названия по внешнему виду и по гудкам.

Грянула революция 1905 -го года. Наша квартира шумела днем и ночью. Постоянно приходило много товарищей отца и матери — сормовских рабочих, педагогов, агрономов, врачей, учащихся школы взрослых, где преподавали наша мать и друг нашего дома Нат.Дм.Самарина. Вечерами подолгу спорили, шумели. Лежа в постели слушали мы революционные песни и и на всю жизнь заучили их. «Марсельеза» сменялась «Варшавянкой», «Красным знаменем», «Дубинушкой» и другими.

Были опасные моменты. Как — то, когда мы остались одни с братом, мы обнаружили револьвер, где — то на шкафу. Решили попугать няньку нашу — замечательную Устинью. Подкрались к кухне, неожиданно раскрыли дверь и навели на нее револьвер. Конечно, испугали ее очень, и могло кончиться это плохо.

В библиотеке нашей в доме появились многие новые книги. Среди них запомнилось мне произведение болгарского писателя Ежа «На рассвете». Я позднее читал и перечитывал его с большим интересом, а пока мне прочитывала кусочками из нее моя мать.

Чаще же и очень хорошо читал нам отец. Мы любили забираться к нему на кушетку и он читал нам Гоголя с большим юмором. Я с тех пор горячо полюбил этого писателя и Украину.

Заучил наизусть песенки из «Майской ночи» и распевал их на какой — то свой мотив.

Мать много занята была школой для взрослых, где она бесплатно, конечно, преподавала. Мы часто оставались одни в доме. Помню неприятный случай, когда мы с братом нашли где — то рубль

серебряный. Ну и, конечно, пошли в лавку покупать всяческие сласти. Накупили конфет — соломка, еще что- то. Наелись до того, что дома стали кидаться конфетами, что привело в недоумение нашу Устинью. Когда выяснилась наша кража, были тяжелые разговоры. Не помню, что было какое — нибудь наказание, но мне уже на всю жизнь кража была отвратительна.
Вероятно, родители умели объяснять дурные поступки.
После бурных революционных событий начались тяжелые дни реакции. Мне памятны они с того дня, когда поздно вечером раздались звонки и стуки, а когда дверь открыли, появились усталые , окровавленные взрослый и юноша. Взрослым был знакомый отца — сельский учитель , а мальчик — его сын. Они бежали из с.Горбатова, где на школу и их квартиру напали черносотенцы. Бежали, разбив окно. Поранились, но спаслись м.б. от избиения или еще худшего. Тревожное время передавалось и детям. За окном морозные сумерки. В комнатах не зажигается огонь. Дома одни дети и верная нам Устя. Она держит на руках Надюшу. Мы сгруппировались у окна. Где — то на улице возгласы, топот, шум. Ждем, что появятся казаки. Казаки с нагайками, с обнаженными шашками, врезающиеся в толпу, преследующие мирных жителей стали образом этих дней.
Начались обыски, аресты. Ночь. Звонок: «Телеграмма!» Всем понятно - обыск. Жандармы с фонариками. Рыщут, перевертывают все в квартире. Заходят и в нашу спальню, что — то осматривают, нас не трогают. Возня продолжается долго. И… отец уходит. Уходит на долгие годы.
Предварительное следствие. Встречи в канцелярии тюрьмы - «свидания»: Отец еще в своем костюме. Передачи. Тайные всовывания ему измятых (чтобы не шуршали) пятерок. Грустные разговоры о суде. Нехорошие показания на суде свидетеля — нашего полотера, живущего над нами. Мужество и стойкость матери. Преданность Устиньи. Приговор ждали безнадежный. Все склонялось на суде к тому, смертная казнь почти неминуема. К «счастью» - приговор — 6 лет каторжной тюрьмы и ссылка на вечное поселение в Сибирь.
И вот мы снова на свиданье. Ждем уже за решеткой. Вернее за двумя. Между ними ходит часовой. Звон кандалов.

Серая арестантская одежда на всех по ту сторону решеток. Среди них — отец. Придерживая кандалы, улыбается ободряюще нам. Говор трудный: сразу всех по ту сторону и по эту. Трудно понять, трудно расслышать. На много лет все то — же и то — же.Покидаем дорогую теперь нам квартиру. Переезжаем на «новую стройку» Это на окраине города. Последний дом города. Перед нами пустырь и лес оврагами. Зимой холодно — мерзлые стекла. Бабушка нас не покидает, а мама начинает думать об окончании высшего учебного заведения, чтобы как — то жить. Пока живем на деньги, получаемые за дом в Темир — Хан Шуре. Этот дом когда — то принадлежал дедушке — Ивану Афанасиевичу Попову. Детей у него осталось человек 12. Кому из них приходилось трудно, тому и предоставлялся доход от дома. Впрочем, доход был почти мнимый. Дом требовал ухода, ремонта и.т.д. .и если бы ко — то не докладывал своих денег, никто ничего бы не получал.
Кто был этот добрый человек, наверное не знаю, по видимому наша бабушка — мать нашей мамы. Когда — то у нее, с первым мужем ее, была усадьба в Московской губернии. После смерти мужа усадьба была продана и, очевидно, этот капиталец был основным средством существования бабушки. А деньги у нее водились — она довольно часто делала нам подарки, всегда ценные, а главное она помогала материально, а сама много путешествовала и на большие расстояния. Все это, в особенности, помощь нашей семье стало много денег. Но никогда об этом не говорилось в доме и мы не знали, беззаботные, на что мы живем. Как помнится время от времени мы получали 40 — 50 рублей. Однажды арестовали и нашу мать. Просидела она в предварительном заключении около 1 ½ мес, а потом ее освободили.
«Народовольцы», «Эссеры» - эти названия стали почти ругательными! Так несправедлива политическая борьба в горячее время боев.
Кто как не они подготовили страну, народ к свержению самодержавия?

С какой самоотверженностью боролись и гибли эти замечательные люди. Я, в своей жизни, более полноценных, глубоких и высокоморальных людей не знал и не знаю. Прогресс человечества только тогда полноценен, когда пронизан гуманизмом, и гуманизм д.быть не только отдаленной целью, но и близким сопутствующим развитию человеческого о-ва, каждодневным неотъемлемым компонентом. Вот об этом, мне кажется, порой забываем мы и обесцениваем великие шаги нашего движения вперед. Во всяком случае, во имя чего — не знаю, но изрядно полили грязью славную страницу русской интеллигенции, которая не щадя себя, оказывала жестокое сопротивление царизму. Такими были мои родители. За это и сидел отец в кандалах в каторжной нижегородской тюрьме 6 лет. За это и страдала моя мать. Освободившись из тюрьмы она вскоре начинает учиться в Москве. Семья распадается. Надя с бабушкой уезжают к тетке Блазновой во Владикавказ. Брата Гену устраивают к Иконниковым. Меня к Самариным. Самарины: Наталия Дмитриевна, ее дочери Наля и Галя и сын Володя. С Володей в комнате я живу. Семья удивительная . Сама Нат. Дмитр. Редчайший человек по своей приветливости, вниманию к людям. Она сама жила трудно, насколько помню, без мужа. В то время это было особенно тяжело материально. И, несмотря на это она сумела вырастить и воспитать 3 — х детей, умела найти в себе много тепла и энергии для помощи друзьям, попавшим в беду. Родные всегда были с ней очень дружны, очень любили и ценили ее. Наля и Галя девушки 16 — 17 лет, заканчивали среднее образование, прекрасно играли на рояле, чудесно рисовали. До сих пор звучит в ушах голос рояля сверху, где они у соседей занимались музыкой.

Помню и замечательные рисунки и живописные работы акварелью.

Володя был старше меня. Озорной парень. Любил технику. Делал огнестрельное оружие. Мы его опробовали, спрятавшись за камин. Стреляло громко и нам попадало. Иногда собирались зимними вечерами большие компании. Играли в фанты, в шарады, пели, катались на салазках с гор..

Потом, я помню, что мы жили вместе с братом Геной у д — ра Князева, затем у гор. Агронома Вялова, у Мухина, у Ульяновых. В театр мы ходили очень редко.

Первое и неотразимое впечатление от спектакля «Лес» Островского, которым я долго «бредил», повторяя запавшие в голову реплики. Позднее не меньшее впечатление от «Плодов просвещения», от «Живого трупа» и др. спектаклей Нижегородского театра, где были довольно хорошие составы труппы.

В городской гимназии в рождественские каникулы на вечере играли старшеклассники «Царя Максимильяна» Это тоже было интересно. Лет десяти я начал клеить и строить «театры». Как помню это были довольно тщательно сработанные из дерева, картона, бумаги — макеты таких спектаклей, как «Плоды просвещения», «Синяя птица», «Майская ночь» Гоголя. Большая работа проводилась по освещению сцены. Были и персонажи, но они просто рисовались и вырезывались из бумаги. Такой театр существовал все годы моей юности, и в Н.Новгороде, и в Сухуме в квартире строился и другой театр, где и сестра были артистами. Играли все туже «Синюю птицу», где дальше диалога Тильтиль — Митиль мы, впрочем, не ушли.

В Сухуме же состоялась моя первая встреча с настоящей работой на настоящей сцене. Летом, однажды, гастролировала русская труппа в парке Козловского. По соседству с нами поселилась одна из актрис . И вот, однажды, она пригласила меня и еще одного парнишку к себе и рассказала нам, что нужно у них в театре сыграть небольшую роль. Дала нам почитать текст и остановилась на мне. Дала пьесу, это оказалась пьеса Я. Гордина «Мирele Эфрос». Там была роль Шлоймке — мальчик лет 12 — 14. Вот ее и начал изучать. На репетициях меня поднатаскали. Играл я с воодушевлением. В особенности то место, где нужно было произнести речь, выученную Шлоймке специально для праздника. По исполнению получил много похвал артистов и поцелуев актрис. А проходя по парку неожиданно и не с большой приятностью слышал от какого — то студента, идущего в компании своих товарищей: «Вот — будущий...оратор!» Признаться, если бы сказал: «будущий артист» - мне было бы куда приятнее. Так свершилось мое помазание в артисты. Вопрос уже в сущности был решен. Профессия была избрана раз и навсегда. Никаких отклонений больше не было. Я знал, что буду работать только в театре.

А реакция расширялась и росла. И не знали мы, где идет глубоко в подполье большая работа неутомимых революционеров. Скептическое отношение к монархии и ее прислужникам. Мы воспитывали в своем мировоззрении только на основании прежних впечатлений революции 905 года. Да еще разе что через бабушку, которая хоть и была религиозна и не очень — то разбиралась в политике, но часто весьма саркастически высказывалась о действиях властей. А это не проходило мимо сознания.

В Н.Новгороде встречали поа Иллиодора, вообразившего себя каким — то мессией. Толпы святош сопутствовали ему. Устраивали обструкцию маловерам, а иноверцев преследовали. Каким — то

квачем насильно опрыскивали и мазали в лицо всем не понравившимся им. Гонялись за евреями, избивали их. Помню бабка прятали от них еврейского мальчика. Сам я едва не стал жертвой. Я не пожелал снять фуражки и она полетела с моей головы одновременно с затрещиной от какого — то идиота. Я был очень обозлен и меня спасло, вероятно, только то, что я был еще мал и не «достоин» их большего внимания. Вслед за Иллиодором или вместе с ним появилось новое движение: в средних учебных заведениях стали вводить потешные войска. Мы все стали жертвами этой дикой затеи. Ввели маршировку после уроков в гимназии. Обязали нас отдавать честь, т. е. Брать под козырек всем учителям, а директору, инспектору, всем встречным генералам становиться во фронт.

Глупость этого мероприятия понимали даже некоторые генералы и только подсмеивались над нами - «клопами», становящимися во фронт. «Ты что?» «Иди ты, голубчик, своей дорогой!» - так неоднократно обращались ко мне, когда я попадал в положение обязывающее стать «во фронт». Чаще всего, конечно, мы как — нибудь обходили стороной генералов или старательно не замечали их. Приезжал в Н.Новгород Николай II, но я каким — то путем избежал участвовать во встрече.

Нижегородская гимназия мне все же нравилась. Там были хорошие учителя. Запомнился учитель русского языка, он же наш классный наставник Обухов — Воробьев. Много хорошего говорил он о русской литературе и прививал нам вкус к ней.

Как классн. Наставник он был хорош для класса, но сам буквально погибал от нас! Не мог он сладить с шумливыми 10 — 11 летними мальчишками! Кудрявцев — учитель чистописания большую часть урока рассказывал нам дивные истории из жизни животных и охотников. Каждый урок они имели продолжение и мы их ждали с нетерпением. Много интересного вносил в наше познание физик. Над инспектором, как принято было, мы смеялись. Повторяли чьи — то стихи о нем: «Матрена — Пусков славный, идейный мужичок почти над нами главный инспектор — педагог».

За рисунок на уроке рисования я получил сначала единицу. Учитель не поверил, что я без каких — то тайных способов нарисовал.

Потом он меня полюбил и меня что — то вознесли даже сверх меры. Акварелью рисовали натюрморт — кувшин глиняный и плошечку деревянную на столе. Мне удалось и мое «произведение» попало на выставку сначала в гимназии, а потом и еще где — то в городе.

Жил я последний год в Нижнем на Ковалихе с бабушкой и сестрой. Брат жил где — то не с нами. Была у меня черная собака - «цыган». Она провожала меня в гимназию, гуляла всюду со мной, спала у меня в ногах, ездила снами летом к себе на родину в Шипилово. Шипилово — имение тетки Ольги — сестры моего отца. Она вышла замуж за Пав.Ив. Шипилова — помещика неудачника. Ему его отец из своих огромных владений выделил небольшую усадьбу у дер. Шипилово с 300 десятин земли, с хутором в 6 — ти верстах от усадьбы. Усадьба очень живописная. С одной стороны липовый парк с вековыми липами и акациями образовывал красивые затененные аллеи. С другой - огороды, малинник, яблочный сад и речка. В глубине, за людской тянется вдоль речки березовая роща, переходящая в смешанный лес. За рекой густые заросли леса на несколько верст. С бабушкой — Марией Алексеевной Митинской мы в течении неск. лет вместе с братом и сестрой приглашались тетей Олей на летние каникулы, а иногда и на Святки т. е. Рождеств. Каникулы. Там я возился с лошадьми. Всегда захватывал право быть кучером, при выездах. А ездили довольно часто в с.Лысково — большое торговое местечко с оживленным постоялым двором, где выпивали самые разнообразные типы. Некоторые из горлышка, другие из чайника, а иные из наперстков. Рядом было нечто вроде трактира с половыми в белых рубахах. Почему — то запомнился один с длинным кривым носом. Много позднее он стал моей моделью для полового в сп. «Униж. и оскорбленные».

Сенокосы с гурьбой баб, девок, мужиков. Пестро и приятно одеты все. Веселые, оживленные, с шутками и прибаутками. А рядом пройдешь по д. Шипиловке и ужасаешься. До чего же есть хилые избушки, вросшие в землю, с грязными, оборванными крестьянами и распухшими детьми. Там кусок хлеба за счастье почитали. Дядя Пав. Ив. - недоучившийся неудачник. Что он не предпринимал —

все это было впустую. При нас он начал строить кирпичный завод. Запрудили речку. Образовался обширный пруд. Сколько работы было, сколько леса погубили!. Возили , возили его без конца. При нас, позднее уже, работал этот завод. Делали кирпичи, складывали в штабеля. При нас и затихло все — кончилось предприятие. Денег на зарплату рабочим не хватало, кирпич не покупал никто. Штабеля стояли долго. Били кирпичи, крошили, как будто со зла на что — то . Наконец, почти сравняли все с землей. Плотна прорвалась и снова речка обмелела и потекла как и до заводских дел. А мы беспечно продолжали купаться, ловить рыбу в омутах этой речушки, странствовать по ее живописным крутым берегам, вечерами слушали соловьев в заречье, ходить к дальнему концу леса — к филинам. Они были как - то открыты нами случайно, сидящими большим семейством на ветке ели. Днем, говорят, они не видят почти ничего. Не знаю, не видели они нас или не могли улететь из — за малого возраста, но мы долго взирали на их удивленные, испуганные лица, а потом пришли в сумерках и снова нашли их в тех — же крах. Для нас все это было удивительно хорошо. Сенокос — хорошо. Уборка хлеба — чудесно. Гроза великолепно, правда норий — страшно.

На втором этаже - полумансарде — получердаке, мы с братом жили в одном конце дома, а бабушка с сестрой в другом.

Наше разбитое окно затыкалось какой — то старой полустершейся иконой богоматери на толстой доске, мы ее однажды в сердцах, выкинули во двор. Она пролетела мимо кухни. А в кухне была бабушка! Она вышла посмотреть, что упало, и увидав икону дала своему религиозному гневу полную силу, взывая наказания на наши головы. Надо же, чтобы этой же ночью разразилась жестокая гроза. Окно хлопало, ветер свистел, молния ослепляла, гром грохотал. Невольно струсишь! Вот, и ринулся я этой ночью, через весь чердак к бабушке. Уткнулись в ее колени и только там уснул сном праведника.

Любил я всюду следовать за Алексеем Ивановичем. Он был и конюх, и сторож, и кучер. То поедем мы травы накосить лошадям, то навоз вывезти, то по поручению. Лысый, с седой бородой, крепкий, высокий, он пользовался всеобщим уважением. Ему все кланялись. Его внимательно слушали, а на работах спрашивали его советов. Не любил он только, когда мы лезли к лошадям в конюшню. Вероятно, он был прав. Он любил лошадей и видел, что мы их чем — то сердим и волнуем.

Особенно это относилось к Змейке — верховой кобыле, которая была довольно норовистая и меня чуть не укокошила, однажды. Я сел на нее в седло, которое только что покинул дядя Коля, вернувшись из поездки. Удовольствие: хоть немного проехаться верхом до конюшни. Не успел я схватить повода, как Змейка ринулась во весь дух и прямо и прямо через двор понеслась в дверь конюшни. Не согнись я к самой ее шее — разбита была бы моя голова, как глиняный горшок! Добрые наши тетя Оля и дядя Коля вспоминали о нас и зимой. В рождественские каникулы вдруг, однажды, въезжал во двор возок. Оказывалась — приехала за нами тетя Оля Сто верст по зимней дороге, по заледеневшей Волге, с ночевкой на постоялом дворе. Зимние пейзажи , то розовые нежные, то яркие — слепящие солнечными бликами, то темные — ночные.

Сейчас в возрасте весьма… Хочется просто для себя написать, вспомнить какие — то особенные краски, чистоту , аромат этой поездки по снегам родины. Но где же взять эти слова, сравнения, метафоры? Так мало придавалось значения всему виденному вокруг, так мало всматривался я в окружающие меня. Внимание не развивалось, сравнения не приходили и теперь уже к писательству, конечно нет никакого накопленного материала, а врать не хочется. Только смутные картины встают перед глазами, смутные тоже неверное слово, м.б. побледневшие от прошедшего большого времени, но не случайные ...просто неуловимые для передачи сизо — голубые дали, темные избы, громадные ворота околиц, желтый слабый свет в иной избе. Шипиловка и ее окрестности чудесны и зимой. Ходим на лыжах с дядей на охоту за зайцами.

Катаемся на дровнях компаниями из соседних деревушек. На елку тетя Оля наряжается поросенком. Надевает маску, облекается в узкие панталоны мужа и танцует вокруг елки, вызывая восторг у детей и осуждение у взрослых. Огромный рояль моей матери перевозится, однажды, летом Шипилово.

Впервые я увидел своими глазами, что значит сила волжских грузчиков. Конечно, не один, но вдвоем они крутили этой огромной тяжестью как хотели. Как дальше его везли не помню и плохо себе

представляю, т. к. от с. Лыскова по Волге до Шипиловки надо было еще 10 верст везти по плохой дороге на лошадях. Этот путь хорош в хорошую пору, когда едешь на тройке.
Тройка - это не прогулочная запряжка недели масленницы,а обычная - на извочьичей бирже, нанятая повозка. Три гнедых худеньких лошадки, щупленький ямщик голосистый. На радостях, что он получил работу, завозит прежде всего в кабак. Пьет там «ерша» - нынешнему «коктейль» - как будто привезенный с запада, однако, по существу, известный у нас давно — давно. Пытается угостить и нас, но мы не решаемся выпить, едва пригубив и поняв, что это за пойло. А он, как помнится, намешал пиво с лимонадом — вот и весь коктейль или ерш, как он рекомендовал нам. Выжил и совсем повеселел. Как только минули последние строения Лыскова запел что — то родное, за душу берущее. Сидит ямщик на облучке, поет. Туча набегает , брызгает дождь.
Ямщик опустит кожух над нами. Снова солнце. Ярче день. Вот и Шипиловка. Объезжаем мимо изгороди, заворачиваем к главному подъезду, едем по усадебной поляне и видим на террасе дома тетки, встречающую нас. Гордо приветствую ее новенькой гимназической фуражкой — ведь только что я поступил в нижегородскую гимназию. Сколько гордости перед двоюродными братьями и сестрами, пока еще малышами, и какое — то новое отношение тети Оли. Как будто прибавилось что — то вроде уважения к мундиру! Да, вероятно, в то время невольно возникало уважение ко всякого рода форме. Приезжал ли лесничий в форме или студент — технолог с погончиками на плечах и уже не то отношение, что к какому — нибудь шурину тетки — агроному или землемеру, который ходил в простой куртке, в сапогах, в рубахе — косоворотке. А к попу деревни Ляпуново и вовсе уважения не проявлялось. Пьянчужка он был изрядный.
Придет на веселе, добавит еще с дядей. Помурлычит что — то. Затем к собаке Струйке начинает приставать. Та не любила пьяных, как впрочем, все собаки. Покусала ему, однажды, руки до крови. Страшно было смотреть. Но попик не унывал, а только укоризненно ей что — то начитывал, пока не отправили его восвояси.
Нижний Новгород — город торговый. Город купцов, заводчиков, помещиков. Высоко взбираясь по лестницам от берега Волги и еще выше по возделанным дорожкам попадаешь на «откос». Вид открывается широченный. Слева направо катит волны свои сине — свинцовые Волга. Еще левее мягко вливается в ее объятия могучая ее подруга - Ока. Вдали — сормовские заводы, ближе Канавино, превращающееся по осени в ярмарку. Прямо перед нами далеко — далеко за широким разливом реки видно село Бор, за ним большие леса. На «откосе» всегда много гуляющих. Нижегородцы любят Откос и не проходит дня, чтобы вновь и вновь не побывать в этих красивых, воздушных местах. Здесь в самые даже жаркие дни подувает легкий ветерок и тянет бодрящей свежестью от реки.
Н.Новгород — город великой ярмарки. Такой ярмарки, кажется, больше нигде в России не было. Огромная часть города — Канавино, в сущности жила полной жизнью только о время ярмарки. За Окой, через «Плашкоутный мост» на трамвае можно было доехать до самого главного дома Ярмарки, это был, действительно, ее центр. Огромное здание с широкими пассажами , уже издали встречало музыкой духового оркестра, размещавшегося во 2 — м этаже. Здесь грандиозное количество магазинов всех стран мира. А рядом бесконечные ряды пассажей, где кипит торговля всем, что только изготовилось в разных странах. Большая самокатная площадь с балаганами, зазывали дивертисментами, каруселями, качелями, колесами и черти что еще с чем! Особенно манит цирк Никитина. Там я всегда завсегдатай. Познакомился с сыном хозяина. Впоследствии он работал с лошадьми и я снова встретился с ним в Н.Новгороде в 1941 году, а во время войны в Москве.
В Н.Новгороде впервые я познакомился с «измами» в искусстве. В 1910 — 11 годах, точно не помню, в городе была выставка картин футуристов. В ней принимал участие и Бурлюк. В нескольких залах висели картины, подобных которым, я еще никогда не видел. Здесь была и картина парикмахерской,

где клиент сидел без головы, а голова его где — то на подоконнике лежала. Впрочем, сказать точно была ли это голова, был ли подоконник — нельзя. Было нечто, вроде чего — то. Были и голые натуры, украшенные настоящей шерстью в местах, где ей должно быть. Были и какие — то дикие пейзажи, где ничего кроме кричащих красок нельзя было разобрать. В Н.Новгороде был оперный театр с гастролями знаменитостей. С матерью я там был на гастролях Ф. Шаляпина, балерины Павловой, баритона Тартакова. На ярмарке бабушка как — то неосмотрительно повела нас в балаган. Однако, после номера компании девушек, довольно легкомысленно одетых и припевающих к тому же:
«Ах, Ваня, Ваня
Вот это мне обидно
Почему же, отчего же, Право — слово — стыдно!»
бабушке подняла нас со скамей и потребовала следовать за ней!
Бабушка! Давно, давно уже мы расстались с ней, а образ ее четко и ясно стоит перед глазами. Строгое, но приветливое, простое лицо. Немножко недоумевающее выражение его, в, какое бывает у глуховатых людей (она плохо слышала).
Прямая фигура . Шестидесяти с лишним лет она пошла сестрой милосердия на фронт во время Русско — Японской войны.
Мария Алексеевна Литинская, урожденная Шан — Гирей. Ее первым мужем был Верзилин — Дикий. От него дочь — Лиза. Вторым был воен — врач Литинский, от него моя мама Екатерина. Бабушка была человеколюбива, гуманна. Да, она не сочувствовала деяниям и революционера - отца моего. О чем — то спорила с ним. Но, когда он получил каторжную тюрьму она не оставляла ни его, ни нас. Старалась сделать все для отца. Заменяла нам мать, когда та пошла учиться. Помогала нам материально. Отдавала все силы, все внимание нам троим. Интересовалась всем. Была вегетарианкой, училась и шила сама себе обувь. Привозила фруктовые консервы собственного изготовления. Помню белую черешню с большим количеством муравьев, которые заползли в банки с компотом. Бабушка добиралась домой с Русско — Японской войны вокруг света по морям и океанам. Привезла много интересных японских и индийских и всяких других предметов. Долго хранился у нас чудесный огромный лаковый альбом для фото с драконом на крышке из слоновой кости. Но главное то, что она всегда мчалась туда, где было кому — нибудь трудно. То на Кавказ, то в Н.Новгород, то в Грозный и еще куда — то . Наконец, забрав Надюшу, она уехала во Владикавказ к своей дочери Лизе Блазновой, а мы с братом пожили нахлебниками у знакомых. Но стоило маме выписать нас в Сухум. Где она начала работать в ботаническом саду, и стоило ей заболеть, как бабушка была уже с нами и хлопотала о всех. Мать умерла в 1912 г. и через год нас выписал отец в Иркутск, где его после ссылки Усть — Удском р — не Нижне Илимского края, назначили врио агронома. Надюша осталась с бабушкой, а я с Геной поехали в Иркутск. С тех пор мы с бабушкой не встречались. Началась война 14 — го года. Бабушка сперва жила в Георгиевске со своей дочерью. Затем, по слухам, вновь принимала участие в госпитальной работе. Революция и гражданская война разъединили нас окончательно. И больше ничего о бабушке мы не смогли узнать. Вслед за Нижегородской гимназией, которую успел полюбить, познакомился с Сухумским реальным училищем. Это единственное в Сухуме среднее учебное заведение было довольно своеобразное. Состав учеников интернациональный. Руссие, грузины, абхазцы, менгрелы, греки, персы, осетины, немцы (из колонии под Сухумом) и другие нации, которыми был полон Сухум.

Преподаватели были так же разн. Национальностей. Успеваемость ясна, если взглянуть на мой табельный лист — за четверть две двойки, но я 8 — й ученик по успехам! А всего в классе около 40 человек. В классе драки до поножовщины, дерзости учителям, бесконечные пререкания с ними. Надзиратель — побаивающийся некоторых учеников, немец — взяточник. Вот, такие главные черты этого учебного заведения. Однако классного наставника — преподавателя георграфии Габриэляна мы любили.

Я просто обожал его. Он ходил с нами в походы в горы, интересно беседовал с нами, умел заинтересовать своим предметом. Мои друзья всех наций: Г. Начиебия, И. Бжалава, Джанашия, Маглакелидзе, Масхарашвили, Лаптев. Народ рослый с пробивающимися усиками. Что — то ранова — то для 2 — го класса носить усы, а к 4 — му классу уже и бородку!. Видимо, они скрывали, что требования были низкие. Педагоги в своем большинстве были слабые, порой не подготовленные. Например — немец Оскар Оскарович из садовников, оказывается, попал прямо в педагоги.

Сам Сухум и его окрестности полюбились мне. Ботанический сад был всегда очень интересен. Пробковые деревья, бамбуковые рощи, бананы, Виктория — Регия — расцветающая по ночам. Вся эта субтропическая флора была внове. Гора Вишневецкого, река Беследка, река Кодор с лососями, горные дороги, уходящие из города вглубь Кавказа. Всю жизнь меня манили дороги. Кажется, без конца двигался бы по ним вперед и вперед, дальше и дальше. Безразлично, как и на чем передвигаясь. Любил идти пешком и больше всего верхом на лошади. Позднее, когда сначала стал ездить на чужих автомобилях, потом на собственном, дороги стали менее привлекательными и их, почему — то теперь хочется скорее проезжать. А раньше было наибольшее удовольствие именно ехать и видеть все новые картины и явления природы, жизни. Вдыхать ароматы воздуха, даже дышать, порою сухой пылью какой — нибудь проселочной дороги было истинным наслаждением. Память хранит до сих пор даже запахи дороги, проходящей по ущелью из Сухума между горами Вишневецкого и Чернявского. Привлекало и чудесное черное море. В те годы пляжей не было. У самого устья реки Беследки, правда, существовало нечто вроде пляжа, где постоянно купались мы. Заплывали далеко, к рейду, где стояли буи — железные большие бочки на якорях. Ездили с братом мы в поездки — в горы. Верховая лошадь стоила 1 рубль в день и мы иногда пользовались этим, но очень редко, т. к. для нас это было дорого.

Когда мы зашли впервые за лошадьми - предприниматель — он же парикмахер — рвал зубы какому — то несчастному пациенту. Рядом, на берегу какой — то бывший моряк, возился со своим парусным шкотом, он, увидав наши с братом заинтересованные лица, предложил быть его матросами. О счастье! На первое знакомство заставил вычистить дно шлюпа от наросших моллюсков, ракушек и пр. дряней. Испытание мы выдержали и были посвящены в мореплаватели. С тех пор я не изменял парусному спорта. В то время в Сухуме - в парке Козловского гастролировали разные театры. Летом, когда был я свободен от училища, я видел много спектаклей украинцев (тогда Малороссийской труппы) такие как «Вий», «Тарас Бульба» особенно запомнились. Ходил и подсмотреть репетиции. Это было особенно интересно. Не мешало, что иногда артисты говорили так, что ничего нельзя было понять, а намерения свои демонстрировали тоже крайне невнятно. Но это было даже интереснее, чем спектакль.

М.б. тут дело в том, что зритель всегда получает больше удовольствия, или вернее более он внимателен, когда нужно угадывать что — то, а не только получать готовенькое , как ложку в рот. (вернуться на стр. 38 — вставить весь кусок со слов «Мать умерла в 1912 году ...заканчивая словами «и больше ничего о бабушке мы не смогли узнать»).

Иркутск представлялся нам медвежьим углом. Ждали увидеть деревянный город сельского типа. А оказалось, что это очень приличный, настоящий город с несколькими большими хорошими улицами, с каменными домами. Главное же, это было очень культурный город , благодаря большому количеству ссыльной интеллигенции. По видимому, там и власти как- то более либеральны были. Отец, например, по паспорту, имеющий звание чернорабочего , быстро получил должность зама, потом и губ. Агронома. А губерния Иркутская это территория в размере большей половины Европы. Мы

жили в Иркутске на Горной ул. На углу — Евсей Дарский. Немного дальше — Иосиф Уткин. В детстве мы встречались иногда в уличных собраниях мальчишек - в спорах о футболе, о голубях. Я увлекался футболом. Играл в полузащите, в команде «Ласточка». Голуби меня интересовали мало. Было к ним какое — то предубеждение, идущее от «Недоросля Фонвизина». На голубятню, голубей гонять казалось унизительно и глупо. (Начало стр 44 — пропустить, перенести егопослесл «получил много хорошего»).
Александр Иванович Каширин - актер большой славы в Российской провинции. Его имя стояло рядом с именем Иванова - Козельского. Он играл роли героев. Большой, красивый, седеющий мужчина богатырского сложения. У него был уже чуть глуховатый голос, но с остатками хороших низов. Когда он показывал, как играть Василия в «Каширский. Широта, мужество необъятные, российские. В антрактах за самоварчиком пили чай. Однажды он пришел, вынул револьвер «Застрелюсь» говорит, а сам улыбается - «Все состояние, нажитое трудом тяжелым актера потерял. Был клочок земли под Казанью, усадебка для старости спокойной — Революция смела все это !!!» Но он не унывал. «Пусть» говорит берут. Пора ! Я же помещик»!
В театре О-ва Народных чтений за сезон я сыграл, кроме Медведенко — Абрама в «каширской старине» Поручика в «Новообращенном», Степ. - Кравч.
Адвоката в «красные мантии».
Пастора Гаффке «Огни Ивановичи» Зудераман Миловзорова «Без вины виноватые» Остр.
Летом 1918 года после зимнего сезона устроился в передвижной театр какой — то кооперации, где руководителем был Шамраев П.
С низ ездил по Иркутской обл, по крупным пунктам: Черемково, Лиственичная, фарфоровый завод Усолье и др. Играл Воротынского в «Василисе Меленьтевой», Шуйского в сп. «Царь Федор Иоанович». Кроме этого участвовал и в полулюбительских спектаклях в клубе желездорожников, в общественном собрании, в Рабочей Клубе (Знаменск) Играл: Леший - «Снегурочка», «Дети солнца», Бомелий «Вас. Мел».
В 1918 году к осени я вступил в Иркутский госуд. Университет. Одновременно заканчивал художественную студию И.Л. Копылова при отделе Нар. Образования.
В театре принимал участие не разовых.
Сыграл: - Билли в «Трильби»
Колычева в «Вас.Мел»
Поруч. Отлетаева «На маневрах»
Тарабарова «На пороге к делу»
Колчаковское правительство крепко стало напирать на мобилизацию. Мне, как студенту, грозило привлечение в высшую школу. Всячески отлынивая , я протянул до октября. В октябре меня все — же мобилизовали и направили в артил. Учебн. Команду. Но театру нужны были актеры и Остроумова меня и еще неск. Человек из команды пригласила в театр.
Нам сообщили, что по начальству все решено и мы можем отправляться домой. Мы так и сделали. В зимнюю, морозную ночь мы собрали наши вещи в команде и направились свободные, бодрые по домам. Но… не тут — то было! Уже наутро явились к каждому из нас конвойные солдаты комендатуры и препроводили нас в каталажку при коменданте города. Нас просто сочли за дезертиров и должны были судить военным судом. Мы сидели на хлебе и воде трое суток. Надеялись, что кто — то о нас вспомнит. Но пока нас ждали в театре, пока узнали, где мы, пока объяснились с военной властью — время шло и шло. Наконец, через неск. Суток, в комендатуру явился кто — то и мы оказались на свободе. Необходимо было устраиваться в такой театр, где меня освободили бы от военщины. В этом смысле театр Остроумовой был не надежен.
2 вступил в военный театр 4 — го корпуса, который находился в Иркутске. Туда же были приволочены актеры: М.Н. Корнилов, Туманов (кажется Ник. Ник) С. Выборнов, А. Гусев. Начал работать в этом театре с декабря 1918 года.
Сыграл роли:
поруч. Иванов «Ревность» Аруибашева
адъют. Кутузова «Пожар Москвы»
боярин - «Девичий переполох»
Глах - «Измена» сумб. юж.

К лету 1919 года опять отправлен был в военное училище , а осенью 19 — го года, чтобы избежать моего производства в офицеры я бежал на встречу Красной Армии.

От Колчака перешел в Красную Армию в ноябре 1919 - го года. С кр. Армией был в Ачинске, Красноярске. Болел тифом. Затем был каптенармусом. В Красноярске — секретарем клуба, актером клуба. Подавал заявление о вступлении в партию, но меня не приняли, кому — то не понравилось, что я «студент» (вроде — бы «белоподкладочник»). Был в командировке в Омске. Затем вернулся в Иркутск по демобилизации, как студент, вновь вступил в Университет и одновременно в Гос. Высш. Драматич. Школу при Отд. Нар. Обр. Преподаватели Там : Н.И. Дубов, В.В. Туров, В.А. Маныкин — Невструев и др., а так же поступил и в Иркутский Народный театр.
Там гл. реж был Сипович, реж. - Шамраев.
Актеры: Арматов, Братов, С.Б. Рахманов, Е. Дарский, Н. Мерцальский, Ольгин и др.
Я сыграл: - татарин - «На дне»
Спиря - «Четыре студента»
?… - «Революц.свадьба».
Одновременно в Иркутске работает Городской театр. Народный наш театр. Занимает помещение на углу Большой (К.Маркса) и Амурской улиц бывшего ресторана «модерн», очень большого и роскошно благоустроенного. При ресторане зрит. Зал на 600 мест с ложей позади и боковыми. Там гастролировали П. Орленев и другие.
Работала и оперетта, были и маскарады, ревю и всяческие аттракционы. Впервые демонстрировалось говорящее кино, где по — видимому лента совмещалась с граммофоном. Летом 1921 года начались волнующие разговоры о «Молодом театре», на организацию которого много надежд.
Дело в том, что группа актеров городского театра под руководством режиссера П.В. Цетнеровича поставила к концу сезона пьесу «Потоп». Репетировали во внеурочное время. Работали с большим энтузиазмом и спектакль получился великолепный. Это была ансамблевая, тщательная постановка.
Играли: Стрэттон — Вас. Гнедочкин
Чарли — Ник. Охлопков
Фрезер — М.М. Донатов
Лицци — Л. Перевалова
Бир — Мих. Малышев
О. Нэйль — Л.П. Каверин
Изобретатель — М.Дальский
Актер — Сем. Тамарин
Посетитель — Леон. Жилкин (он же к пом. Реж.). Молодежь, не видавшая никогда спектаклей художественного театра была потрясена этим спектаклем. Группа получила кличку «Потаповцы». Партийно — общественные стали говорить о необходимости открыть самостоятельный театр этой группы. Вопрос положительно решен к осени 1921 года. Начался набор актеров в этот новый театр, который еще не получил своего названия. Предполагалось «Тиск» (театр исканий) «Тим» (т — р ирт молодежи) и «молодой театр» - на этом последнем остановились. Я стал актером «Молодого театра». Худож. Руководителем назначен, естественно, Пав. Владисл. Цетнерович. Директором — Леон. Павл. Каверин
Актеры: - Л. Перевалова, Ник. Охлопков, В. Гнедочкин, И. Донаров, Мравина (из пожилых актрис), Заречная, Шерлаимова, Мейе, Коткова, Щепетова, Дальский, Симен, Дарский, Гуров П., Николаев, Игортягин, Жезлов, Черницкий, Соломина, Землякова, Кемарская, Маршов, Симолин, Анчутная, Блажевич, Блюментаев, Воробьева, Дубичинская, Коренева, Назаров, Новицкий, Пушмин, Мартягина, Щапова, Белягин, Жилкин и я - гр. Попов в последствии - Палин)
Художники т — ра: Эхиа — Вологдин, Беляниц
Композитор — Жиркович, дирижер — Е. Медведев. Пом. Реж. Жилкин, Кайский.
В конце августа общими силами принялись за благоустройство помещения т — ра. Вест театр был нами потрясен, вытерли встряхнули всю вековую пыль из — под колосников на сцене, с декораций, штанкетек, с планшета, из гримерных и др. подсобных помещений. Где — то достали изумительный ковры. Постелили их в фойе для зрителей. В них буквально тонула нога. Несли мы один ковер откуда — то в театр человек 20 и нам было очень тяжело,

но когда мы его разложили в театре, он он занял пол огромной комнаты метров в 120твтквадрате — радости не было границ, так прекрасен он был и мягок. После общей окраски здания внутри и снаружи ,началась его внутренняя разделка.
Эхиа — Вологдин — увлекающийся художник решил разделать стены зрит. Зала так, как никто и никогда этого не делал. Тут были и какие — то круги, которые вращались в глазах мимо проходившего человека, тут блистали каскадами ярких красок и необычайностью многогранных форм какие — то группы кристаллов, рассыпающиеся с потолка по стенам зала. Тут горели пламенем яркой окраски колориферы отопления. С энтузиазмом мы исполняли волю нашего озорного гения — таким был в наших глазах В.Эхиа. Мы разводили краски поярче, подбадривали его своим одобрением и нашим неутомимым рвением делать все на что он чуть только намекнет.
Не прошло и двух недель, как театр был готов к приему зрителей, к началу работы никто в театре ничего еще не получал.
О зарплате вообще не было разговоров. Л.П. Каверин при приеме предупреждал каждого актера в длительной беседе с ним: «Зарплату м.б. будете получать, м.б. - нет» Роли м.б. получите, м.б. совсем нет» Театр м.б. будет работать, м.б. нет. Словом никаких обязательств театр не нес ни по отношению к актерам, ни по отношению к каким бы то ни было работникам его.
Готовилась премьера «Игра интересов» Бенавенте. Счастливы были актеры, получившие роли в этом первом спектакле театра, мне поручили роль Леандро. Роль по амплуа любовника, но к счастью не голубого. Гидальчо Леонардо один из двух разорившихся мелких дворян.
Вместе со своим другом Криспином они бродят по Испании, в надежде на какой — нибудь удачный случай . Для того, чтобы их накормили и приютили на ночь в гостинице, Криспин уговаривает Леондра назваться господином, а сам изображает его заботливого слугу. Так начинается комедия. Вся она идет в стиле комедии дель — арте — весело, звонко.
В Иркутске не так уж много было тогда театральной публики. И все же пьеса пришла более 40 раз в сезон, чтобы для города очень много по тому времени. Затем, возобновили «Потоп», приготовили «Ученик дьявола» Б. Шоу, «Ужин шуток» С. Бенелли, «Принцессу Турандат» Гоцци. Вообще — то , с репертуаром было трудно. Нового еще ничего не было написано так, чтобы хотелось воплотить его на сцене. Из старого репертуара искали наиболее созвучное современности. В этом отношении «Потоп» Бергера звучал, как памфлет против очерствления душ дельцов — капиталистов, «Ученик дьявола» заинтересовывал раскрытием подлинно человеческого в трудных обстоятельствах и некоторой сатирой на туповатость общества. Несколько странным было появление «Ужина шуток». Автор - Сем — Бенели итальянский писатель из рабочей среды, вероятно, это влекло к нему. Пьеса о жестоких нравах прежней Италии. В ней веселье, шутки, дуэли остроумия и песни сочетались с очень жестокими проделками и тяжкими поступками.
Театр пользовался большим успехом. Слава о нем шла по всей Сибири и Дальнему Востоку. Актеры из многих городов просились в наш театр.
Режиссером всех постановок, душой театра был Паля Цетнерович. Его все любили, уважали безмерно. Он был абсолютным авторитетом для всех. Мы занимались ритмо — пластикой, гримом, гимнастикой, жили тяжело , но весело. Иногда, очень редко, получали какие — то маленькие пайки. Очень помогал нам театр Тервойск — это был маленький «филиал» нашего «молодого т — ра», в кот. небольшая группа молодежи ставила один - два спектакля в неделю. Руководителем этого филиала был Павел Гуров. Я был актером и режиссером. Там мы получали некоторое довольствие и большое удовольствие, чувствуя себя «хозяевами» театрального «дела». Там я поставил «Огни Ивановой ночи» Зудермана, где уже играл ранее пастора Гафке. Затем «Осенние скрипки» Сургучева и что — то еще.
Мои уехали осенью в Москву. Я занял квартиру на углу К.Маркса в 2 — х хороших комнатах. Одному скучно и трудно, а некоторым т.т. негде было жить. Предложил переехать ко мне. Так обрадовалась актерская «коммуна» - П. (?), Охлопков, Пушмин, Дарский, Николаев. По

начальным буквам ее Павел Гуров назвал «Похпударник». В меньшей комнате жили Охопков и я, в большей трое остальных. Отапливались чем попало. А что это такое «чем попало»? Попадало к нам немного топлива и не из очень красивых источников, Покупать мы не могли - не на что было. Приходилось кое — где «прихватывать». Зима сибирская — жестокая. Прихватывали во дворе т — ра, где были сложены дрова штаба армии для ее управления, занимавшего верх соседнего дома. За эти «набеги» страшно попадало нам от Цетнеровича, когда он замечал нас за разгрузкой поленниц. Прихватывали и во дворе нашего дома по ул. К.Маркса. Иногда отдирали от заборов или обшивки домов. В тихую морозную ночь это сопровождалось страшным треском. Не знаю, что чувствовали жильцы. Наверное, просыпались в ужасе. А мы сорвав доску исчезали стремительно в темных переулках. Бывало и так, что из базарных палаток делали мы «ночные привидения». Кто — нибудь влезал внутрь палатки, другие следили за сторожем, который отвлекался куда — нибудь. Палатка начинала двигаться вглубь, прячась за ряд других палаток. Так медленно наверное, деревянная палатка «уходила» с базарной площади. В переулке ее «подруги» подхватывали «соучастники» - Охлопков, Дарский и я. Дней 5 — 10 она согревала наши зимние вечера. Исчезали и скамьи по улице у кинотеатра, где в ожидании сеанса примерзали горожане к их деревяшкам. Это воровство мы оправдывали тем, что «сохраняли здоровье горожанам»!. Обычно мы топили одну «буржуйку». Делали это раз в день, но зато уж доводили ее до до белого каления. Важно было, придя домой после спектакля, согреть наши 2 комнаты, поужинать какой — нибудь кашей или похлебкой, сваренной наскоро, попить кипятку и, пока воздух не остыл, завалиться спать.

Но однажды, когда мы не удержались от расхищения довольно соблазнительной кучи чудесного черемховского антрацита, дело чуть не кончилось драмой. Получив довольно солидный запас угля мы решили истопить настоящую печь — голандку, и истопили ее на славу. Когда нам показалось , что печь прогорела, мы, экономя тепло, закрыли ее на все задвижки и блаженно легли спать. Ночью я видел чудесные сны. Как вдруг я проснулся от каких — то странных Шумов и криков. Оказалось, что Николай Охлопков встал ночью «по делу» и грохнулся во весь свой рост на пол. Проснулся Вася Николаев, поднялся и почувствовал, что — то неладное в воздухе. Сообразил, что это угар.

Встал, отнес Охлопкова к двери, открыл ее настежь на морозный воздух. Отправил туда же полумертвого Е.Дарского. Поднял нас и приказал всем ложиться у двери. А сам занялся стаскиванием одеял и всего теплого, чтобы закутать нас с головой и спасти от мороза, так мы лежали кучей у раскрытых дверей, вдыхая великолепный, но морозный сибирский воздух. Наконец, очнулся Евсей Дарский и еле шевеля губами,серьезно заявил: «Люблю я теплые квартиры!»

Утром кое — как поднявшись, мы долго меряли улицы с Ник. Охлопковым, как пьяные, держась друг за друга. Не помню, как репетировали и репетировали — ли вообще в этот день, но угара хватило надолго и мы с трудом оправлялись от него.

Жили холодно и голодно, но весело, так как юмор торжествовал над всем.

Как — то замерз водопровод. Долго старались открыть кран. Кто — то стукнул по нему с нетерпением, кран отскочил, хлынула ледяная вода. Умыло сразу всех! Ведь все крутились около крана. Чем только не затыкали — вода не унималась, била изо всей силы. Наконец, кран кое — как заткнули. Легли спать, когда на полу образовалось обширное озеро. А к утру появился великолепный каток, который простирался от кровати Охлопкова до моего дивана и его зеркальную поверхность портили только вмерзшие Охлопковские ботинки, которые мы называли «бутцы». Бутцы вырубили, покатались вместо завтрака, изображая фигуристов на льду, и пошли на репетицию. Днем какую — нибудь похлебку с вареной «резиной» глотали, вечером — спектакль, а за ним дружный «чай» вокруг буржуйки. Чтобы иметь возможность купить кое — какие продукты питания, я постепенно продавал обстановку своей квартиры.2 стула — 1 пуд муки. Стол — тоже. Все же питались плохо. Развился фурункулез. У меня подмышками висели гроздья фурункулов. И вот в таком состоянии часто играл Леандро, где нужно драться на шпагах, лазить по веревке. К весне материальное положение нашей

«коммуны» улучшается, т. к. мы зарабатывали на сбрасывании снега с крыш домов. Охлоков поставил и спектакль «Мистерия буфф» Маяковского, в гор. Театре, где мы участвовали, играя по 1 — 2 роли…
Я играл роль англичанина и роль рабочего во II части. Шуму в городе наделали много. Билеты раскупились сразу на 2 спектакля. Сборы были обеспечены. Когда мы в ролях рабочих, спускались с 3 — го яруса по веревочным лестницам вниз, зрители весьма беспокоились за нас и уговаривали не делать этого. А мы смело лезли и декламировали на висячих лестницах свои тексты: «На мачты, на реи, мы все назареи...» и.т.д. Зимой, кроме театра, умпевали бывать в кинотеатрах, увлекались Чарли Чаплиным, картин которого было много. Это все были короткометражные комедии. В первых фильмах Чаплин выступал еще с бородкой и усиками. В этих картинах совсем не заметно было гениальности того Чарли Чаплина, с которым мы познакомились на экране в образе среднего американца.
Летом 1922 г. «Молодой театр» закрылся.
Мы питались некоторое время отдельными спектаклями. Главный организатор их — Павел Гуров. Неделю отдыхали в доме отдыха в Пивоварне — Охлопков, Гнедочкин, я. Приходил иногда П.Цетнерович. Гнедочкин целыми днями загорал на речке. Обед мы носили к себе на больших подносах по 2 — 3 плошки сразу на человека. Так, однажды, Охлопков на террасе ждет обеда. Гнедочкин и я пошли на кухню. Гнедочкин взял поднос с судками, я иду рядом, в одних трусах ходим. Нам перерезают путь коровы. Одна остановилась. Мне показалось идет на нас. Испугался я за Васю Гнедочкина — ведь он с горячим супом. Я на корову, она на меня! Схватил за рога. Стал гнуть. Она ослабела, я отпустил, а она снова на меня. Я снова за рога, она меня вверх и об хребет свой носом, в кровь. Охлопков на террасе, глядя на это «кино» умирает от смеха. Наконец, опомнился, схватил палку, отогнал корову. А я с окровавленным носом. С тех пор нос у меня кривоват. Кончился отдых. Охлопков и Цетнерович уехали в Москву посмотреть театры, как они говорили, освежиться. Группой мы поехали в Братск. Вниз по Ангаре на пароходе. В Братске остановились в каком — то бараке. Вечерами играли спектакли, иногда играли и чепуху, вроде «бес в ребро» и.т.д. Обратно долго поднимались по Ангаре на пароходе. Наступили тяжелые времена, а у нас не стало спектаклей, не стало заработка. Пришлось согласиться работать в кабарэ ресторана Шпраха «Эдем».
Организовала это Королева — исполнительница русских песен. Группа артистов: - Дарский Е. - куплеты, Богданова — балет, Симолин — что придется, Гуров — чтение и пение, я - пел песенки Кинто. Получали ужин от Шпраха и входные (гроши).
Лучший заработок был — спирт.
Шпрах ставил нам по требованию угощавших нас, вместо спирта — воду, а разницу в цене делил с нами. Мы пили воду и пьянели от удовольствия, что кое — что зарабатываем таким образом. Возвращался я часа в 4 ночи и долго еще не мог уснуть. Противно было. Страшно было падение. Я вместо серьезного театра дошел до кабака. Пел песенки Кинто из репертуара Викт. Хенкина, которые случайно нашел!. Девицы легкого поведения бросали мне цветы! Подвыпившие гости угощали вином! Водкой! Из своей квартиры я переехал в гостиницу «Крит», которую отдали в распоряжение актеров. В квартире же была продана уже почти вся мебель, включая даже линолеум с пола. В гост. «Крит» мне дали маленький ноер. Там жили артисты нашего и гор.театра: - С.В.Виноградов с семьей, Королева, Щепетова, Дарский и др.
Вечерами, часов в 11 по коридору несся сильный контральто Королевой: - «Девочки, мальчики, на работу!».
К осени Цетнерович и Охлопков не вернулись. «Молодой театр» открылся вновь. Играем старые пьесы. Л.П. Каверин ставит «сверчок на печи». Тщетно пытается он работать по системе Станиславского, не в силах увлечь состав. Я играю неизвестного. Все же, в результате, спектакль удался. Шел много и с успехом. Центр. рабоч. Дворец предложил давать спектакли у них в помещении. Мы творчески слабели, у нас не было студийной серьезной режиссуры, как раньше. Пришлось согласиться и перейти на новый репертуар.

Выпустили «Жрец Тарквиний», «Черные вороны» Протопопова, «Лес» Островского, «Любовь и смерть» Гордина, «Волчьи души» Д.Лондона и даже «Возвращение Шерлока Холмса».
Я всюду играю главные или хорошие роли.
В эти очень наполненные работой годы, в эти очень голодные годы всеобщей юности — советской новой страны никто не мог жить одиноко, все стремились друг к другу и это было очень характерной чертой тех лет. Так возник, видимо, и клуб работников искусств в Иркутске. Его организации очень помог энергичный пред.союза Владислав Жезлов. Я его давно знал. Учился с ним в реальном училище вместе. Он был способным актером, но больше увлекался общественной работой, вступил в партию, был избран председателем нашего союза и много лет отдал этой работе.

В помещении Центр. Рабочего Дворца (бывш. Общественное собрание) для клуба работников искусств отвели часть 1 — го этажа с небольшим залом. Очень уютно обставили. Каким — то чудом удалось устраивать чай с бутербродами по вечерам, но не это привлекало актерскую братию, многие даже не пользовались этими благами, конечно не из нашего молодого племени.
Мы ждали как — то лошади. Этои понятно, ведь мы очень голодно жили. Но и мы незавсисимо от возможностей угощений, не пропускали ни одного понедельника или какого — нибудь собрания среди недели. Возникали очень непосредственные и жаркие споры о тех или иных явлениях искусства. Случались импровизированные выступления актеров в ролях поэтов, эстрадников и.т.д. иногда готовились специальные программы. Так Тамара Томис поставила с нами молодыми «Белый ужин» Ростана. Коломбина - Мелодиева Веселый Пьеро — Дальский, Печальный — д. Мне что — то эстетствующее в Т.Томис и ее постановке не нравилось.
Часто акт. Юратов выступал со своими талантливыми стихами — шутками. Понедельник — выходной день для работников театров, поэтому в городской бане можно было встретить чуть не полный ансамбль драмы, оперы, балета, хора, оркестра. На это Юратов сочинил памфлет «Чистый понедельник» - где Гельман — музыкант, даже «мыл свой контрабас», а «маленький» (в действительности очень высокий).
Сонбато «свел чистоту на задний план. Он не был . Он работал свято. Готовил новый «ратоплан»». Сонбато обладал не дурным певческим голосом и часто выступал на концертах и на эстраде с пением. В его репертуаре и неизменно была, модная тогда, песенка «ратоплан».
К весне распространилось сообщение об организации ЦУТА — центр. Управления театров.. Юратов по этому поводу написал нечто юмористическое, которое, как помню, кончалось так: «Отныне нами правит «ЦУТ», но что, коль вдруг нажмется кнопка, и в чухлому на всех ушлют»? С большим юмором выступал и Вл.Ал. Манькин — Невструев со своими юморесками и пародиями на священнослужителей. А Вл. Ал. Туров чудесно читал из поэтических драм отрывки.

Иосиф Уткин — мой сосед по ул. Горной, когда мы встречались мальчишками, играли в козлы — позднее стал красивым юношей в оригинальной блузе, с оригинальными редкими суждениями. В мае бенефис мой, Переваловой, Дарского. Коллективный. Играем «Ийолу» Жулавского. Большой сбор. Подарки. Билеты до Москвы. Миллионы в кармане. Собираемся компанией и едем в Москву.

Из Горького, т. е. Тогда Нижн. Новгорода я впервые ехал самостоятельно один. Конечно, просчитался и в Новороссийске у меня хватило денег только на палубного пассажира. Залег я где — то между ящиками и всю ночь жался от свежего ветра и старательно укутывался в плащ свой черный с львиными головами на медных застежках. А раннее солнце крепко подогрело меня и я блаженно вздремнув, свежим приехал в Сухум. (далее со слов= Вслед за ниж — кой гимназией, кот успел полюбить) стр 38 (внизу)